

**Политическая экономия
либерального консерватизма —
методологическая основа
антикризисной стратегии**

Развернувшийся в 2008 г. глобальный экономический кризис, обусловивший необходимость выработки адекватной антикризисной политики, в очередной раз продемонстрировал практическую важность теоретического исследования природы кризисов, учета концептуальных позиций по этому вопросу экономистов прошлого и настоящего. Тем более что экономическая наука, за редким исключением¹, не смогла предвидеть этот кризис.

Глобальный кризис: причины и пути преодоления

Теория экономических циклов и кризисов является важной составной частью общей экономической теории. К. Маркс разработал теорию циклов и кризисов перепроизводства товаров и услуг, которые продолжают до сих пор, хотя и в видоизмененной форме, несмотря на надежду на переход к новой, «бескризисной» информационной экономике. Современная история подтверждает и правоту идей Н. Д. Кондратьева о длинных циклах, связанных со сменой технологических укладов и с радикальным обновлением всей структуры производства. Исследование финансовой истории последних лет позволило также обосновать и концепцию финансовых кризисов, базой которых являются относительно краткосрочные циклы возникновения и прорыва «пузырей» в результате спекулятивного роста ценных активов в той или иной сфере рынка².

Современный глобальный финансово-экономический кризис соединяет в себе черты всех трех упомянутых типов кризисов. Он начался с прорыва «пузыря» в ипотечной сфере США, но пере-

¹ *Мунтян В. І.* Економічна безпека України. Київ, 1999. С. 464.

² *Reinhart C., Rogoff K.* This Time Is Different. A Panoramic View of Eight Centuries of Financial Crises // NBER Working Paper. 2008. № 13882; *Caballero R., Farhi E., Gourinchas P.-O.* Financial Crash, Commodity Prices and Global Imbalances // NBER Working Paper. 2008. № 14521.

рос в общий долговой и инвестиционный, а затем и в глобальный системный кризис, какого еще не знала мировая история. Некоторые экономисты и государственные деятели подчеркивают его импортный для России и других государств СНГ характер. Так, С. Ю. Глазьев видит причину кризиса в саморазрушении финансовой пирамиды долговых обязательств США, которые печатают доллары, чтобы расплатиться по долгам, и вовлекают в спекулятивный оборот новые обязательства, в том числе нефтяные контракты³.

«...Именно несоответствие формальной роли Соединенных Штатов Америки в мировой экономической системе их реальным возможностям, — как отмечал на XII Петербургском международном экономическом форуме в 2008 г. Президент России Д. А. Медведев, — и было одной из центральных причин текущего кризиса»⁴. Это вызывает необходимость реформирования глобальной финансовой архитектуры, в частности превращения рубля или, возможно, новой наднациональной валюты ЕЭП в одну из ведущих региональных резервных валют. Идею создания сильных региональных резервных валют как противовеса монополии доллара поддержали некоторые президенты государств СНГ и Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзинь Тао. Так, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев убедительно показал, что сохранение эмиссии доллара в качестве мировой резервной валюты невозможно без согласования и контроля со стороны ее основных потребителей⁵. Таким образом, предложение российского руководства о том, чтобы в будущем мировая валютная система основывалась на мультивалютной корзине, включающей

³ *Глазьев С. Ю.* Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. М., 2008.

⁴ *Медведев Д. А.* Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме в 2008 г. <http://www.kremlin.ru/transcripts/345>

⁵ *Назарбаев Н.* Ключи от кризиса // Российская газета. 2009. 2 февраля.

рубль, юань, другие сильные региональные валюты, осознается международной общественностью как важное внешнее условие преодоления кризиса. Обсуждается и идея создания в перспективе наднациональной супервалюты.

Принципиальное значение имеет перевод идеи мультивалютности в практическую плоскость. Так, до декабря 2010 г. взаимная торговля Российской Федерации и Китайской Народной Республики велась исключительно в иностранной валюте, прежде всего в долларах. К 2011 г. ситуация изменилась, начались торги рублями на бирже в Китае и торги юанями в Москве.

Однако нельзя объяснить мировой кризис только провалами регулирования на финансовых рынках. В связи с этим Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин в статье «Россия и Европа: от осмысления уроков кризиса — к новой повестке партнерства», опубликованной в «Süddeutsche Zeitung», отмечал, что «этот кризис носил структурный характер. И корень проблем — в накопившихся глобальных дисбалансах. Дала сбой модель, построенная на том, что один региональный центр безудержно наращивает заимствования и потребляет блага, а другой производит дешевые товары и скупает долги»⁶.

При этом политики и экономисты признают и внутрироссийские, а также внутренние для ряда государств СНГ причины кризиса, а именно высокую долю сырьевого экспорта, особенно подверженного сильным конъюнктурным колебаниям (как раз он стал основой российского участия в глобализации), слабость российской финансовой системы и ее ориентацию на внешние заимствования, используемые к тому же по преимуществу для скупки активов, а не для коренной модернизации производства. В условиях кризиса, как отмечал, выступая на Давосском форуме 2009 г., Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин, обостряется и общая для России «проблема развития

⁶ Путин В. В. Россия и Европа: от осмысления уроков кризиса — к новой повестке партнерства. <http://premier.gov.ru/events/news/13088/>

ряда базовых рыночных институтов, прежде всего — конкурентной среды»⁷.

Есть и четвертая коренная причина кризиса — глобальный дисбаланс между реальной и виртуальной экономикой, характерный для всех развитых стран. Наиболее доходным сектором экономики оказалось не производство реальных товаров и услуг, а неконтролируемая и нерегулируемая эмиссия производных финансовых инструментов (деривативов), разнообразные брокерские, посреднические, рекламные и другие операции, которыми в России и других государствах Содружества занимались в основном нерезиденты. Все это совпало с падением спроса и насыщением рынков телекоммуникационной и компьютерной техники, на которой основаны технологический уклад и повышательная фаза длительного цикла, начавшегося в середине XX в.

В современной экономической литературе предлагаются три основные программы выхода из кризиса. Умеренная либерально-монетарная концепция видит ведущую причину кризиса в избыточной ликвидности экономики США, общем снижении доверия к развивающимся рынкам и чрезмерном, опережающем ВВП, росте непроцентных расходов российского бюджета, невозможности оценить производные финансовые инструменты, а вместе с ними — реальную стоимость портфельных инвестиций финансовых компаний⁸. Поскольку основные причины кризиса связаны с финансовой сферой, антикризисная программа содержит преимущественно монетарные меры — рекапитализацию банковской системы, ограничение денежной массы и бюджетных расходов, стимулирование спроса через девальвацию. Стратегической целью провозглашается снижение инфляции, цены кредита и восстановление темпов экономического роста, достигнутых

⁷ Путин В. В. Выступление на Давосском форуме 2009 г. <http://www.government.ru/content/governmentactivity/mainnews/archive/2009/01/28/5825465.htm>

⁸ Кудрин А. Л. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1.

в 2000–2008 гг. Примитивный вариант этой концепции — вообще не прилагать особых усилий, финансировать пособия по безработице, льготные кредиты и субсидии из резервных фондов, дожидаясь восстановления высоких нефтегазовых цен и прежнего уровня благосостояния.

Вторая, умеренно-патерналистская концепция основана на кейнсианских идеях о стимулировании эффективного спроса посредством активной государственной политики. Она включает поддержку ликвидности банков с помощью льготных кредитов и выкупа «токсичных» активов, снижение налогов и прямые дотации при покупке отечественных товаров, госинвестиции в развитие инфраструктуры, науки и образования, рефинансирование долгов, льготные кредиты и госзаказ приоритетным отраслям и предприятиям. В программе Президента США Б. Обамы особое внимание обращается на регулирование финансовой системы, развитие альтернативной энергетики и новых технологий. Во Франции упор сделан на поддержку средне- и высокотехнологичных предприятий реального сектора при условии закупки ими отечественных комплектующих изделий, в Великобритании — на частичную национализацию терпящих бедствие банков, в Китае — на строительство инфраструктуры и стимулирование спроса со стороны сельских жителей.

В условиях современного кризиса обе эти концепции подвергаются резкой критике. Американские экономисты Х. Мински, К. Рогофф, Н. Рубини, П. Кругман и многие другие активно возражали против политики финансового дерегулирования, стимулирования долгов и эмиссии высокорисковых ценных бумаг, которая привела к кризису. В 2001 г. потерпела крах либеральная политика наращивания внешнего долга, повышения процентных ставок и экспортной ориентации в Аргентине (в 1990-х гг. она как образец навязывалась России). В России Д. С. Львов, Н. Я. Петраков, С. Ю. Глазьев и многие другие экономисты и политики решительно выступили против монетарного курса на отмену контроля за движением капиталов, против вложения валютных резервов в

иностранные ценные бумаги, замены госдолга внешними займствованиями корпораций и других мер, соответствующих «вашингтонскому консенсусу». Коренная модернизация российской экономики была отложена, а созданных взамен этого резервов, как показал опыт, хватит всего на пару-тройку лет. Азербайджан, к примеру, за годы высоких цен на нефть не создал значительных валютных резервов, но зато существенно развил свою инфраструктуру, не дав при этом своим предприятиям влезть в долги.

Двести американских профессоров-либертарианцев опубликовали в 2009 г. в «The Wall Street Journal» письмо, оплаченное Институтом Катона, в котором критикуется антикризисная программа Б. Обамы. Либертарианцы выступают за полный отказ от вмешательства государства в экономику, за беспрепятственное банкротство испытывающих трудности банков и компаний, поскольку, по их мнению, рынок нельзя улучшать и регулировать, риск хеджируется с помощью современных информационных технологий, а рыночные агенты принимают верные решения на базе своих рациональных ожиданий (Rational Expectations Hypothesis). Либертарианцев не смущает то, что страны с высоким «индексом экономической свободы» — Исландия, Ирландия, Сингапур, страны Балтии, Великобритания понесли наибольшие потери в годы нынешнего кризиса.

На наш взгляд, между умеренно-либеральной и умеренно-патерналистской концепциями нет антагонизма. Классическая теория А. Смита вовсе не отрицает вмешательства государства в экономику ради соблюдения справедливой конкуренции. Основатели неоклассики А. Маршалл, В. Парето, Л. Вальрас стремились сделать политическую экономия инструментом социального реформирования с помощью государства, проводящего разумную макроэкономическую политику. С другой стороны, Дж. М. Кейнс возражал против огосударствления экономики. Поэтому антикризисная политика в России может и должна учитывать обе эти концепции.

В условиях глобального кризиса особенно важна консолидация усилий всех слоев общества для его преодоления. При этом необходима и конструктивная критика антикризисной практики, но недопустимо использование кризиса с целью разрушения государства. К сожалению, в последнее время пытается заявить о себе третья — радикально-фундаменталистская концепция, направленная на свержение действующей в России власти и на отказ от государственной политики модернизации. Экономико-теоретическая основа ультрарадикальных концепций разная, но политическая суть одна — уничтожение России как самостоятельной геополитической силы. Основы этой концепции заложены З. Бжезинским, по мнению которого «великая шахматная доска» XXI в. предполагает международный контроль за необходимыми всему миру ресурсами Сибири. К примерно таким результатам, по крайней мере к резкому ослаблению России, способна привести и реализация предложений радикального либерала А. Н. Илларионова, считающего господдержку как финансовых институтов, так и реальной экономики России бессмысленной и вредной, а массовое банкротство даже градообразующих предприятий и переход целых отраслей в руки иностранцев — полезным для экономики.

Возрождение политической экономии либерального консерватизма

Политическая экономия или экономикс?

В современных условиях, на наш взгляд, необходимо возрождение отечественной политической экономии либерального консерватизма, продолжающей традиции Б. Н. Чичерина, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, Г. В. Плеханова, Н. Д. Кондратьева, И. Р. Пригожина и других выдающихся российских теоретиков антикризисного направления. При этом речь идет о «либеральном» направлении, понимаемом как свобода всестороннего раз-

вития личности, но не свобода стихийно-рыночного регулирования. Либеральный консерватизм — антипод «антигосударственного» и тем самым анархического по своей природе радикального либерализма. Иными словами, политэкономия либерального консерватизма, как мы попробуем показать это в дальнейшем, направлена не на замену гнета человека со стороны государства на гнет денег, а на освобождение его и от государственного, и от узкорыночного принуждения при осознанной ответственности людей в рамках правового государства. На этой базе, на наш взгляд, и создается концепция системного стратегического планирования, реализующего фундаментальные ценности, сформулированные Президентом России Д. А. Медведевым в Послании Федеральному Собранию 2009 г. Данная концепция обеспечивает не клановое, а государственное видение национальной экономики и ее места в глобализации, не догоняющее, а опережающее развитие на базе технологического прорыва с учетом особенностей российского национального менталитета и культуры. Такая концепция складывается с учетом работ экономистов, жестко и нередко справедливо критикующих проводимую политику, но в целях возрождения России, а не ее «великих потрясений»⁹. Ряд статей на эту тему опубликованы в журнале «Проблемы современной экономики»¹⁰. Важное значение имеют работы Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования¹¹.

⁹ Макаров С. П. Основы теории государственного ведения национальной экономики. М., 2005; Быков П. Перспективы либерального консерватизма в России // Эксперт. 2007. № 13; Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2.

¹⁰ Акинин А. А., Шевелев А. А. По пути к либерально-консервативной парадигме развития России // Проблемы современной экономики. 2008. № 4; Бляхман Л. С. От глобального кризиса к новому экономическому порядку // Проблемы современной экономики. 2009. № 1.

¹¹ Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. М., 2008.

Впервые термин «политическая экономия» как название научной дисциплины был применен французским исследователем А. де Монкретьеном в «Трактате о политической экономии» (1615 г.), где автор давал советы по управлению государственным имуществом. В дальнейшем политическая экономия рассматривалась как наука о законах развития общественного хозяйства, при этом хозяйство понималось как единое целое — хозяйство всех народов и эпох и на всех уровнях: от отдельного домохозяйства и предприятия до мирового сообщества, т. е. от субмикро- и микроуровня до мезо-, макро- и мегауровня. Поэтому политическая экономия выполняет не только познавательную и практическую, но и методологическую функцию по отношению к конкретным экономическим наукам, изучающим отдельные элементы хозяйства (труд, финансы, управление и т. д.) или его отрасли.

Предмет политической экономии понимают двояко. С одной стороны (данный подход преобладает в российской и континентальной европейской литературе), это наука об общественном богатстве, точнее — об общественных отношениях, в которые вступают люди в процессе производства и распределения этого богатства, об условиях и формах, при которых складываются и действуют эти отношения в различных обществах. С другой стороны (данная точка зрения характерна для англо-американской литературы), предметом экономической теории является поведение людей, использующих для достижения своих целей ограниченные средства, которые могут иметь различное употребление¹². По российской и континентальной европейской традиции предмет экономической теории связывается преимущественно с правом, отношениями собственности, по англо-американской — с этикой, деловыми отношениями хозяйствующих субъектов.

В России политическая экономия имеет давнюю историю. Еще в 1858 г. И. В. Вернадский выпустил «Проспект политической экономии», в 1902 г. В. Я. Железнов — «Очерки политической эко-

¹² Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1.

номии», а в 1907 г. А. И. Чупров — «Политическую экономию», позже М. И. Туган-Барановский в работе «Основы политической экономии» предложил концепцию развития национальной экономики России.

Однако в 1990-х гг., несмотря на фундаментальные политэкономические традиции русской экономической мысли, в нашей стране возобладал англо-американский подход к экономической теории. В массе переводной литературы, хлынувшей на российский рынок, он определялся термином «экономикс» (economics), означавшим набор знаний об экономических явлениях, не претендующий на их единую, сквозную оценку. Философской основой указанной концепции является позитивизм, предполагающий изучение фактов и использование для их анализа математических моделей и теории игр.

О принудительном насаждении нового подхода свидетельствовало и то, что многие кафедры политэкономии ведущих российских вузов по команде ЦК КПСС были срочно переименованы в кафедры «экономической теории», «макроэкономики» и прочие¹³. Хотя очевидно, что неправомерно называть одну из специальностей экономической теорией, отделяя ее от практики, а остальные экономические специальности — от теории. Но главное даже не в этом. Суть в том, что с внедрением нового подхода к экономической теории произошел разрыв между юридической и экономической науками. В России и других государствах СНГ преобладает континентальная европейская правовая система, базирующаяся на кодификации законов. Англо-американская же правовая система основана на прецедентном праве. Таким обра-

¹³ К сожалению, эта ошибочная практика продолжается и сегодня. В частности, Высшая аттестационная комиссия уже более десятилетия вместо политической экономии рассматривает диссертации по специальности «экономическая теория», лишая другие экономические дисциплины права относиться к экономической теории (см.: Сорокин Д. А. Политическая экономия для России // Российский экономический журнал. 2001. № 2. С. 78–79).

зом, массовая замена курсов марксистско-ленинской политэкономии экономиксом, начавшаяся по команде ЦК КПСС еще в последние годы существования СССР, в конечном счете привела не к возрождению традиционной для Западной Европы¹⁴ и Российской империи политэкономии, а к навязыванию американского подхода к экономической теории.

Именно этим несоответствием правового (европейско-континентального) и экономического (американского) подходов в научном обосновании социально-экономических процессов в какой-то степени объясняется характерный для 1990-х гг. явный антагонизм между всесторонне обоснованной необходимостью формирования в России правового государства и чуждой ему практикой проведения радикальных экономических реформ в условиях отсутствия соответствующей законодательной базы, лишь на основе подготовленных чиновниками указов, инструкций, распоряжений.

В последнее время все возвращается на круги своя. Позитивистский метод ограничен, так как невозможно собрать все факты и они не дают истины сами по себе. Анализ фактов на основе позитивистских логики и моделей не позволяет познать экономику как целое, как систему, а потому не способствует (и это подтверждается мировым опытом) выработке эффективной экономической политики. Диалектический метод, свойственный политической экономии, дает возможность более целостного изучения экономики, обоснования путей системной трансформации общества.

В XXI в. политическая экономия, аккумулируя фундаментальные знания, накопленные в прошлом, и адаптируя их к реалиям настоящего и будущего, должна перейти к многомерной классификации этапов развития общества (не только по общественно-экономическим формациям, связанным с характером собствен-

¹⁴ Например, широкую известность на Западе получил учебник, подготовленный одним из премьер-министров Франции Р. Барром (*Барр Р. Политическая экономия. М., 1995*).

ности и классовой структурой общества). В ее предмет традиционно включаются закономерности формирования интересов и предпочтений человека, развития его потребностей, проблемы ограниченности и дефицита экономических ресурсов. Современная политэкономия становится комплексной социолого-эколого-политолого-экономической наукой, использующей математические и графические методы, новые информационные технологии.

Развитие хозяйства больше не может рассматриваться только как итог логического развертывания некой абсолютной идеи, как результат действия объективных, единых для всех стран и народов и не зависящих от воли и действий человека законов. Экономика теперь все более и более осознается как продукт процесса производства и потребления¹⁵, результат действий хозяйствующих субъектов, обусловленных их интересами, их способностью познавать, систематизировать и использовать экономическую информацию. Таким образом, справедливо утверждение, что современная политическая экономия — это результат конвергенции узкополитэкономического подхода и экономикса.

Основные экономические теории — либерально-консервативный синтез

В мировой экономической науке выделяются четыре политэкономические концепции. Их противоборство, с одной стороны, мешает выработке антикризисной социально-экономической политики. С другой стороны, без учета каждой из них выработка такой политики невозможна.

Классическая теория со времен А. Смита и Д. Рикардо исходит из того, что конкурентная рыночная система саморегулируется: колебания спроса и предложения, нормы прибыли и ссудного процента, соотношения цен и заработной платы автоматически приводят экономику в равновесное состояние, обеспечивают эко-

¹⁵ *Миропольский Д. Ю. Хозяйственная система: исходные принципы функционирования. СПб., 2004.*

номический рост, полную и эффективную занятость. Изменение государством денежной массы в обращении и налогообложения в обычных условиях (когда нет войны, стихийных бедствий и других катаклизмов) влияет на общий уровень цен, но не на равновесный уровень национального дохода. Граждане при этом должны усердно работать, а государство, не вмешиваясь в функционирование экономики, — охранять конкурентную систему, поддерживать покупательную способность денег и бездефицитность бюджета. При таком положении вещей революционных действий ни от народа, ни от государства не требуется.

Тем не менее уже А. Смит, возлагая основные надежды на «невидимую руку рынка», считал, что индивидуальные действия людей не ведут к всеобщему благу. Он писал, что рыночная коммерция сужает ум человека, подавляет его способность к возвышению, усиливает хаос. Однако общественная собственность, как считали Ф. Хайек¹⁶, Я. Корнай¹⁷, М. Фридман и другие неоклассики, еще хуже, так как порождает иждивенчество, безынициативность, экономическое рабство, всеобщий дефицит.

По мнению М. Фридмана, кризис 1929–1933 гг. в США возник лишь из-за ошибочных действий федеральной резервной системы, которая утратила контроль над денежным обращением и допустила резкое сокращение денежной массы. По Ф. Хайеку, ценовой механизм достоверно информирует индивидов о состоянии спроса, изменениях в предпочтениях потребителей, возможностях и новых средствах их удовлетворения. В итоге человек познает высшую ценность — свободу, исключаящую подчинение воле государства, но сообразующуюся с законами гражданского общества. Как полагал Р. Лукас, в ситуации неопределенности экономическое регулирование является бесполезным. Индивидуальные производители и потребители, реагируя на рыночную

¹⁶ Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 1992.

¹⁷ Корнай Я. Путь к свободной экономике (Страстное слово в защиту экономических преобразований). М., 1990.

информацию, осуществляют действия, обеспечивающие необходимый переход экономики из одного состояния в другое¹⁸.

Однако в условиях глобального кризиса стало ясно, что информация, которой располагают рыночные субъекты для принятия решений, неполна и недостаточна. Нобелевские лауреаты 2004 г. Ф. Кидланд и Э. Прескотт показали, что денежно-кредитная система сама по себе не может изменить динамику развития экономики в соответствии с требованиями XXI в. Исследования не подтвердили выводы неоклассической теории рациональных ожиданий о том, что значения всех переменных, обуславливающих экономический рост, или, по крайней мере, вероятность и риск их изменения известны хозяйственным субъектам, а предложение труда определяется изменением ставок зарплаты. Некритически воспринятые в России в 1990-е гг. рекомендации МВФ о шоковой либерализации экономики с тем, чтобы свести государственное регулирование к монетарной политике, привели к невиданному в мирное время кризису и распаду высокотехнологичных комплексов.

Стремление разрушить тоталитарную систему в России и других государствах СНГ, уничтожить тоталитарное государство распространилось на государство вообще, что привело к его ослаблению, разрегулированию государственных органов и механизмов. Радикальным образом были ликвидированы мезоэкономические структуры — среднее звено управления: министерства, главки, научно-производственные и производственные объединения. Между тем без сильного государства, основанного на праве, невозможно коренное преобразование политических, экономических, социальных и нравственных устоев общества. Только реформированное государство, не допускающее анархии, распушенности, эгоистического своеволия, способно вывести экономику из глобального кризиса, создав новую систему макроэкономического и финансового регулирования на национальном, макрорегиональном (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, СНГ) и мировом уровнях.

¹⁸ Lucas R. E. Studies in Business-Cycle Theory. London, 1998.

В последние годы нобелевские премии получили Дж. Стиглиц и другие экономисты, доказавшие, что в условиях неравномерности и неопределенности информации нельзя полагаться на рациональность индивидуальных решений, нельзя сводить политэкономия к оптимизационной деятельности «экономического человека», игнорируя при этом закономерности группового поведения, роль общественных производительных сил и государства. В условиях кризиса экономисты требуют «вернуть государство обратно». Даже американский финансист Дж. Сорос, известный своими финансовыми спекуляциями, выступил против слепой веры в «рыночный фундаментализм»¹⁹, показав необходимость межгосударственного регулирования глобальных финансов.

Марксизм — вторая по времени возникновения в индустриальную эпоху экономическая теория, впервые соединившая экономическую доктрину с теорией социального развития. В противовес классической теории марксизм провозгласил революцию главным средством перехода к новой общественной формации. Теоретической основой революции был объявлен закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Базой марксизма стали учение о двойственном характере труда и вытекающая из него теория прибавочной стоимости, в соответствии с которыми основой цены товара является общественно необходимый труд, затраченный на его производство, наемные рабочие создают новую стоимость, которая больше стоимости рабочей силы, а разницу присваивает капиталист. Все другие факторы, кроме труда, не создают, а лишь перераспределяют прибавочный продукт в соответствии с законами сферы обмена, где косвенным путем (с помощью денег) и задним числом (по завершении производства) оценивается качество воплощенного в товаре труда.

¹⁹ *Soros G. Open Society. The Crisis of Global Capitalism Reconsidered. London, 2000.*

Марксизм в дальнейшем исторически раздвоился. Одни последователи К. Маркса (представители социалистического интернационала) стали обосновывать возможность достижения социальной справедливости без революций, путем эффективной защиты трудящихся в рамках буржуазного общества, на основе консенсуса между работодателями и профсоюзами, гарантом которого выступает социальное государство. Их идеи сегодня находят воплощение в политическом курсе ряда развитых стран, например в антикризисной модели скандинавского социализма. Другие последователи К. Маркса (представители коммунистического интернационала) совершали революции, радикальным образом меняя общественное устройство. Однако в экономическом соревновании они проиграли.

Третья политэкономическая концепция — кейнсианство — берет свое начало в трудах Дж. М. Кейнса. Проведенный им анализ инфляции, безработицы и способов привлечения инвестиций показал, что рынок не всегда способен обеспечить макроэкономический рост. При этом нужны не революционные действия, а структурные реформы, позволяющие государству создать новые точки роста. Эту идею Дж. М. Кейнс воспринял, анализируя политику Ф. Рузвельта, «новый курс» которого помог США выйти из разрушительного кризиса 1929–1933 гг. (а по мнению радикал-либералов, лишь затруднил этот выход). Государство как координатор развития экономики создало новую сеть хозяйственного взаимодействия с помощью систем общественных работ, бюджетного финансирования дорожного строительства, переподготовки кадров, реструктуризации фирм. Эта идея развита в антикризисной программе Б. Обамы. На преодоление последствий кризиса в 2008–2010 гг. государства мира затратили более 5 трлн долл.

В современной России экономисты Л. И. Абалкин, В. В. Ивантер, В. В. Куликов, Д. С. Львов, А. Д. Некипелов, Н. Я. Петраков и другие неоднократно, но до недавнего времени безуспешно выступали за коренное изменение экономической политики при сохранении командных высот в руках государства, за развитие

системы государственных социальных гарантий на основе использования общественного имущества — коллективного достояния общества, переданного в хозяйственную эксплуатацию на конкурентной рыночной основе. Национальный дивиденд, включающий ренту от эксплуатации такого имущества и часть предпринимательского дохода, распределяется при этом между всеми членами общества. В докладе о стратегии экономического развития России (2010 г.) ученые Института экономики и других институтов РАН выдвигают две основные идеи: увеличение до средневропейского уровня расходов на культуру, науку, образование и здравоохранение в качестве условия модернизации экономики и выбор приоритетных направлений, куда должны поступать бюджетные инвестиции и где должны быть созданы крупные интегрированные компании.

Иную позицию занимают ученые Института экономики переходного периода. Так, В. Мау и О. Кочеткова, оценивая мировую реакцию на глобальный кризис, пишут: «Как и почти полвека назад, к имени Кейнса прибегают сейчас как к символу государственного интервенционизма, противоположного экономическому либерализму»²⁰. При этом они считают, что антикризисные меры, предпринимаемые США и Западной Европой, обладающими возможностью печатать доллары и евро, неприемлемы для России: «Исключительно опасным было бы упование на то, что искусственное стимулирование спроса — примитивное кейнсианство («Crass Keynesianism») — сможет решить ключевые проблемы социально-экономического развития страны»²¹.

Все более видные позиции в современной политэкономии занимает институционально-эволюционная теория, связанная с именами У. Гамильтона, М. Вебера, Д. Норта, О. Уильямсона и других зарубежных ученых. Однако, как показал В. Т. Ряза-

²⁰ *Кризисная экономика современной России. Тенденции и перспективы* / Под ред. Е. Т. Гайдара. М., 2010. С. 17.

²¹ Там же. С. 25.

нов²², свой вклад в эту теорию внесли еще русские философы — С. Н. Булгаков, В. С. Соловьев, П. Б. Струве и другие. В рамках этой теории экономика понимается как подсистема общества наряду с культурой, политической, демографической и экологической подсистемами, а экономический рост — как средство повышения качества жизни и творческой активности людей, а не как самоцель. Развитие общества определяется действием формальных (законодательных) и неформальных (добровольно принятых) отношений и факторов принуждения во взаимоотношениях между людьми²³. Через них же реализуются системные функции экономики.

Институционально-эволюционная теория рассматривает неравновесные процессы, в том числе кризисы, как неотъемлемый элемент развития общества. При этом экономическая динамика служит средством социального развития, а способность хозяйственных субъектов к согласованному действию, доверие между бизнесом и властью — важнейшим ресурсом общества. Начиная с Й. Шумпетера основой роста экономики признается создание и максимально быстрое освоение нововведений. Интересно, что российские критики применения к России «кейнсианских» антикризисных мер западных стран справедливо признают особую роль институциональной среды, которую последняя могла бы сыграть в случае ее развитости в стране²⁴.

²² *Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство XIX–XX вв.* СПб., 1998.

²³ *Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.* М., 1997.

²⁴ «Причем институциональная среда, которая единственная может создать устойчивую основу экономического роста, находится в весьма неразвитом состоянии, т. е. российские институты (как экономические, так и политические) вряд ли способны смягчить и корректировать последствия ухудшения экономической и политической конъюнктуры» (*Кризисная экономика современной России... С. 9*).

Современная политэкономия должна быть консервативна в том смысле, что она использует достижения всех указанных теорий, не противопоставляя их друг другу²⁵. Выводы классической монетарной теории позволяют улучшить управление финансами, существенно влияя на развитие всех отраслей экономики. Подтвердились и предсказания К. Маркса о возрастании роли науки и других общественных производственных сил, нетоварных общественных благ, новых форм собственности. Да и предпринятая в 2009–2010 гг. рекапитализация банков ради их спасения, прокатившаяся от США и Германии до Казахстана и Гонконга, — мера хотя и временная, но чисто социалистическая. Весьма актуальны предложения неокейнсианцев о рациональном использовании принадлежащих обществу природных богатств, недопустимости их присвоения узким кругом олигархов, о государственном финансировании развития инфраструктуры, об антициклической финансовой политике. Что касается четвертой из указанных теорий, то первое место в обоснованной Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым концепции пяти «И», наряду с инфраструктурой, инновациями, инвестициями, интеллектом, занимают формальные и неформальные институты²⁶. Таким образом, политическая экономия либерального консерватизма может и должна синтезировать основные экономические школы с учетом конкретно-исторических особенностей современного этапа развития общества.

²⁵ Аналогичный подход проявляется и в других общественных науках. Так, в российской философии, по мнению В. Г. Марахова, происходит конвергенция феноменологии, экзистенциализма и других «модерных» направлений с материалистической диалектикой. См.: *Марахов В. Г.* Социальная философия. Курс лекций. СПб., 2008. С. 10–12.

²⁶ См.: *Медведев Д. А.* Россия: становление правового государства: выступления, статьи, документы: В 3 т. Т. 1. М., 2010. С. 65.

Политическая экономия либерального консерватизма и контуры социально-консервативной политики России

Во всех рассмотренных нами концепциях мы сталкиваемся с явной или скрытой борьбой консерватизма, основанного на эволюционном развитии, и радикализма, предполагающего полное, революционное отрицание старого. Так, в число последователей марксизма входят сторонники полярных идей — коммунисты-революционеры и социалисты-консерваторы. Среди монетаристов также можно выделить как радикальных сторонников «шоковой терапии», так и ее противников (даже М. Фридман — глава современных монетаристов — считал экономическую политику 1990-х гг. в России ошибочной). Можно было бы привести и другие аналогичные примеры.

Поэтому представляется поверхностной трактовка консерватизма в ряде словарей как приверженности ко всему устоявшемуся, противодействия новому, в том числе в общественной жизни, науке, искусстве²⁷. На наш взгляд, современный консерватизм вовсе не отрицает необходимости качественных преобразований и радикальных нововведений. Речь идет лишь о том, что они должны быть результатом постепенных внутренних изменений, а не насильственного внедрения извне с помощью народного восстания или государственных распоряжений. Особенно это актуально для России, которая уже исчерпала свой лимит революций.

Развитой консерватизм предполагает постепенное движение от абстрактно-всеобщей к конкретно-всеобщей свободе, при которой «свобода других, ограничивающая мою свободу, становится моей несвободой»²⁸. Таким образом, современный либеральный консерватизм в экономике — это свобода хозяйствующих субъектов, ограниченная системой права. Например,

²⁷ См., напр.: *Словарь иностранных слов.* СПб., 2004.

²⁸ *Смирнов И. К., Маннапов Г. М.* Экономическая свобода и социальная защищенность. СПб., 2004. С. 22.

хозяйственный договор (контракт), правила заключения и защиты которого устанавливаются и поддерживаются государством, ограничивает произвол, т. е. абсолютную, неограниченную свободу агентов рыночной экономики. Попытка перейти к рыночной экономике одним махом (за 500 дней или путем ускоренной приватизации базовых отраслей экономики) до создания развитой системы хозяйственного, финансового, налогового, трудового и другого права приводит к всеобщей коррупции и криминализации общества.

Примером консервативного подхода к решению экономических проблем можно считать политику М. Тэтчер в Великобритании и Ли Куан Ю в Сингапуре во второй половине XX в. Им удалось осуществить коренные преобразования, которые повысили конкурентоспособность экономики, без каких-либо революций. М. Тэтчер выделила пять условий эффективной работы, успешно обслуживающей индивидуальные и общественные интересы всех участников экономических отношений²⁹: защиту частной собственности, господство права, культуру предпринимательства, разнообразие независимых и конкурирующих политических сил, благоприятное налогообложение и регулирование. При этом, по мнению М. Тэтчер, попытки реформировать российскую экономику постоянно спотыкались о беззаконие во всех его проявлениях³⁰, что помешало использовать главное богатство России — миллионы молодых инициативных предпринимателей.

В опыте Сингапура следует выделить активную роль государства в рыночных преобразованиях. Стабильные законы прямого действия поддерживали справедливую конкуренцию. Государственный инвестиционный холдинг не конкурировал с частными предпринимателями, но создавал необходимую для успешного экономического роста инфраструктуру.

²⁹ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003.

³⁰ Там же.

Стратегия развития России и других государств СНГ в XXI в. определяется сложным взаимодействием причинно-следственных связей, которые обусловлены двумя главными факторами: внутренней социально-культурной историей и внешним воздействием процессов глобализации и информатизации. Административно-командная система обеспечила создание мобилизационной экономики, которая помогла победить в Великой Отечественной войне, но она не соответствовала новым условиям перехода к постиндустриальной информационной экономике, основанной на знаниях свободных людей. Коренная реформа экономических отношений стала объективно необходимой, ее нельзя было откладывать. Однако для проведения такой реформы требовался определенный культурный и политический уровень, которого еще надо было достичь.

Поскольку из-за гонки вооружений и падения цен на экспортное сырье Россия не располагала финансовыми ресурсами, попала в зависимость от необоснованных рекомендаций МВФ и Мирового банка, реформа проводилась революционными, даже большевистскими методами: шоковая либерализация цен, единовременная ликвидация монополии внешней торговли, ускоренная приватизация базовых отраслей промышленности на основе залоговых аукционов и прочих полузаконных мер. Общество в государствах СНГ не было готово к таким коренным переменам, тем более что их стратегия практически не разъяснялась. Все это прежде всего разрушило высокотехнологичный комплекс с его сложившимися хозяйственными связями, породило опасное социальное и имущественное расслоение, снизило качество жизни большинства населения, нарушило многие традиции сотрудничества людей.

Пример консервативной, построенной на постепенных структурных реформах, экономической политики можно увидеть в Китае. Приватизация тяжелой промышленности и финансового сектора, начатая в 1970-х гг., еще не завершена. Преобладают государственные предприятия, которые, однако, призваны дей-

ствовать на рентабельной коммерческой основе. Государство постепенно, в течение 20–30 лет, «выращивает» рыночные структуры, инвестируя в конкретные целевые программы, связанные в первую очередь с медициной, наукой, образованием и культурой. Особые экономические зоны с капиталистической системой хозяйствования были отделены от основной территории Китая.

Но такая модель не является универсальной. Она дает хорошие результаты лишь при сохранении монопольного положения партии власти, многочисленном и трудолюбивом сельском населении, продовольственном самообеспечении, большом экспортном потенциале, основанном на низкой цене рабочей силы и зарубежных инвестициях из не связанных с МВФ источников, в том числе от китайской диаспоры.

Специфика экономического и социального развития государств СНГ требует выбора особой, евразийской антикризисной и модернизационной стратегии, которая не отрицает монетарный, социалистический, кейнсианский и институциональный опыт, а адаптирует и синтезирует его. Речь идет о необходимости адаптировать к условиям России (СНГ) и согласованно применять в практической деятельности министерств и ведомств фискальные (Минфин), монетарные (Центробанк), структурные и институциональные (Минэкономразвития), социально-институциональные (Минсоцздрав, Минобрнауки) инструменты управления. При этом для реализации такой консервативной стратегии необходимы следующие условия:

1) внутривнутриполитическая стабильность, основанная на идеологии, разделяемой большинством граждан, сохранение и в кризисных условиях среднего класса, контроль за дифференциацией доходов;

2) развитие смешанной и диверсифицированной экономики при многообразии и равноправии форм собственности, твердой правовой и правоохранительной базе, ясной для народа, и комплексной антикризисной программе;

3) содействие сохранению сбережений населения и инвестициям в национальную экономику, контроль над инфляцией и состоянием госбюджета;

4) широкое государственное инвестирование в наукоемкие производства, развитие инфраструктуры, образования, здравоохранения, решение социальных проблем, возрождение села, демографическая стабилизация (для достижения этих целей в России реализуются приоритетные национальные проекты);

5) наступательная стратегия на международных экспортных рынках при ориентации производства преимущественно на внутренний спрос, привлечение прямых иностранных инвестиций в конкретные проекты на взаимовыгодной основе.

Скорректированный и ориентированный на опережающее, а не догоняющее развитие России и ее союзников курс реформ может базироваться на принципах политической экономии консерватизма как на методологии разработки и реализации антикризисной программы. Эти принципы таковы:

1. Прогрессивность, т. е. нацеленность на переход к новым формам цивилизации, в основе которых лежат наука, образование и информационные технологии XXI в., а не возврат к уже пройденным этапам, стихийному рынку XIX в. или ресурсно-сырьевой модели, ориентированной на экспорт низкотехнологичной продукции и заимствования на внешних финансовых рынках.

2. Преэминентность, т. е. опора на все лучшее, что было создано раньше, — крупные научно-производственные комплексы как среднее звено управления, государственная поддержка культуры, образования, здравоохранения, науки. Стремление разрушить «до основания, а затем...» ни раньше, ни теперь никому не принесло успеха. Успешные реформы несовместимы с навязыванием обществу крайностей, экстремизмом, разжиганием вражды и ненависти, попытками вычеркнуть из истории «плохие периоды».

3. Политико-экономический характер структурных реформ, означающий неэффективность исключительно экономических решений, необходимость учета и согласования интересов всех

социальных групп и регионов, справедливое распределение неизбежных тягот кризиса, контроль над дифференциацией доходов, преодоление коррупции, теневой экономики и ликвидацию мафиозных групп в отдельных регионах и слоях общества, повседневное разъяснение народу смысла, перспектив и ожидаемых результатов происходящих перемен (последнее особенно важно в государствах СНГ, народы которых веками верили в идею, прозорливость и моральные качества своих лидеров).

Главная задача политической экономии либерального консерватизма — обосновать пути скорейшего проведения структурных реформ, призванных перевести Россию и другие государства СНГ от ресурсно-сырьевой модели развития экономики, когда основные доходы формируются за счет добычи и экспорта невозпроизводимых природных ресурсов и продуктов их первичной переработки, к инновационной модели, к экономике знаний, при которой государство живет за счет собственного труда и опоры на высокие технологии.

Россия и СНГ в целом, несмотря на кризис высокотехнологичных отраслей в 1990-е гг., все еще располагают развитыми наукой, образованием и промышленностью. Нет только инновационной системы, организационно-экономического механизма, связывающего науку и производство, которые сегодня оказались практически не нужны друг другу.

Россия пока опережает другие государства мира по числу ученых в области естественных и технических наук. Однако эти ученые работают в основном не на Россию и СНГ, а на другие государства, которые заимствуют и широко внедряют в свою экономику их идеи. Таким образом, СНГ экспортирует в глобальных масштабах не только сырье, но и интеллектуальные ценности, а ввозит дорогостоящую технику и потребительские товары. В самой же России внедряется лишь около 2% изобретений, тогда как в развитых странах — 30%. Доля нашей страны на мировом рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции в 2009 г. состав-

ляла всего 0,5% (США — 36%, Японии — 30%). Еще хуже положение в других государствах Содружества.

Как решать эту коренную для России и других стран СНГ проблему? Некоторые ученые полагают, что все дело в финансировании, и государство увеличивает расходы на науку. Но это не решит проблему. Главное сегодня — коммерциализация разработок, возврат вложенных средств, создание устойчивого спроса на нововведения со стороны предприятий, в основе которых должны лежать институциональные преобразования. Для их проведения, в свою очередь, необходимы административная, военная, жилищно-коммунальная, пенсионная, финансовая, судебная и другие реформы. Их суть — в переходе к структурным преобразованиям, рассчитанным на значительное повышение качества жизни народа и развитие гражданского общества.

Темпы экономического роста при этом — не самоцель, а лишь средство социального прогресса, обеспечивающего равенство возможностей, успех и лучшую жизнь для всех. Такая задача до сих пор не была решена, разрыв в социально-экономическом развитии регионов России и других государств СНГ, уровне жизни различных социальных групп, возникший в 1990-х гг., угрожает консолидации и единству общества.

Речь вовсе не идет об умалении роли решения узкоэкономических задач, например инвестиционного сотрудничества в добыче и транспортировке энергоресурсов³¹. Напротив, только структурные реформы в экономике, переход от сырьевой (природная рента до сих пор — главный источник доходов и фактор экономического роста в России) к инновационной модели развития экономики, основанной на производстве продукции с высокой добавленной стоимостью за счет лучшего использования интеллектуального и научного потенциала России и других государств СНГ, обеспечит

³¹ Гулиев М. Е. Стратегия инвестиционного сотрудничества нефтедобывающих стран СНГ в условиях экономической глобализации. СПб., 2008.

укрепление гражданского общества и достижение европейских стандартов качества жизни.

Политическая экономия современного либерального консерватизма основное внимание обращает не на конкретно-экономические факторы, а на социально-экономические цели общественного развития. К ним относятся прежде всего упрочение демократических ценностей, превращение каждого государства СНГ в свободную страну свободных людей, активизация общественного контроля и гражданских институтов. Особое значение имеет создание подлинно независимого суда, полиции, которой доверяет население, устойчивой партийно-политической системы. Развитие государства несовместимо с передачей страны в распоряжение неэффективной коррумпированной бюрократии, чиновников, которые рассматривают свою деятельность как вид бизнеса.

Освобождение государства от избыточных административно-разрешительных функций позволит ему сконцентрировать ресурсы на решении стратегических задач. Важнейшие из них на современном этапе — создание условий для демократической стабильности и эффективной занятости всех трудоспособных членов общества, развитие малого и среднего бизнеса, расширение прав и ответственности регионов и муниципальных образований, налаживание взаимовыгодных внешнеэкономических связей, формирование в СНГ единого экономического, образовательного и гуманитарного пространства, условий для миграции квалифицированных и способных интегрироваться в новую культуру кадров. Выход из кризиса означает не возврат к прежней модели, а создание нового социально-экономического порядка, «выращивание» новых социальных институтов.

Взаимное доверие власти, населения и бизнеса — ключ к решению экономических проблем, таких как утечка капитала и мозгов, создание равной, справедливой конкуренции и устранение монополизма, улучшение инвестиционного и инновационного климата. Необходимо легализовать выведенный в офшоры

капитал, вернуть в Россию штаб-квартиры крупного бизнеса, изменить систему налогового администрирования. С 2009–2010 гг. отменены многократные проверки и другие меры, которые терроризировали малый и средний бизнес, изменено уголовное законодательство по экономическим правонарушениям. Несмотря на кризис, обеспечено значительное повышение реальной зарплаты бюджетников, пенсий, стипендий и пособий. Перестраивается вся правовая база хозяйствования финансового и корпоративного бизнеса.

Политическая экономия либерального консерватизма исходит из того, что только свободный человек способен обеспечить выход из кризиса, процветание государства, экономический рост и переход к принципиально лучшему качеству жизни. Антикризисная программа должна включать политические преобразования: во-первых, создание правовой основы государственных (федеративных) и муниципальных отношений, предполагающей, что каждый гражданин непосредственно влияет на принятие касающихся его решений и может реально требовать те уровень и качество услуг, которые ему обязаны предоставить власти; во-вторых, переход к цивилизованной политической конкуренции крупных и авторитетных политических партий; в-третьих, создание гражданского общества, способного обеспечить незыблемость демократических устоев, гарантий прав и свобод гражданина как высшей ценности, определяющей смысл и содержание функций государства; в-четвертых, обеспечение подлинной свободы и ответственности средств массовой информации, имеющих должную правовую и экономическую базу; в-пятых, преобразование судебной системы и правоохранительных органов.

С начала строительства демократического гражданского общества в государствах СНГ прошло лишь 20 лет. В США, например, в первые 100 лет демократии еще сохранялось рабство, 150 лет не было избирательного права для женщин и 190 лет — для афроамериканцев. Государствам СНГ предстоит еще долгий путь к современному европейскому гражданскому обществу, при этом

евразийские формы демократии должны учитывать собственные опыт и традиции, не копируя полностью зарубежные образцы.

Нельзя также забывать, что существуют американский, японский, китайский, скандинавский и другие пути экономического развития. В этих условиях Россия не может просто «войти в пространство западного общества, прочно закрепиться в нем»³². Нужно проникать в сущность современных социально-экономических явлений, интегрироваться в мировую экономику, руководствуясь при этом и собственным опытом.

В экономической литературе высказываются противоположные точки зрения о путях развития СНГ в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Одни авторы — радикалы-антизападники, справедливо отмечая превращение государств Содружества в ресурсный придаток мирового рынка, падение взаимного товарооборота и межгосударственного сотрудничества стран СНГ, связывают это в первую очередь с антироссийской политикой западных государств, поскольку укрепление экономики России и других государств Содружества противоречит жизненным интересам западного капитала³³. Эти авторы стремятся показать бесперспективность прорыва на Запад стран СНГ, роль Запада в развале СССР. По мнению этой группы экономистов, «нам не нужен Запад с его кредитами, на самом деле он лишь мешает. Мы самодостаточны». Россия должна выдвинуть свою альтернативу, которая вызовет наибольший интерес у развивающихся стран; среди последних многие не испытывают восторга от рыночной экономики и западных ценностей, западного образа жизни. Россия не должна становиться частью Запада. Ей необходимо создать свою, незападную систему, поскольку западная система «лопнет в очень недалеком будущем»³⁴.

³² Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995.

³³ Козик Л. П., Кохно П. А. СНГ: реалии и перспективы. М., 2001.

³⁴ Соколин Б. М. Антикризисная экономика России: начало тысячелетия. СПб., 2000.

В кризисные годы эти взгляды получили широкое распространение³⁵.

Противоположная позиция, наиболее активно защищаемая А. Н. Илларионовым, Б. Е. Немцовым и другими радикал-либералами, строится на необходимости превращения России и СНГ в органическую и открытую часть глобального рынка на основе заимствования западных образцов и всемерного ограничения роли государства в экономике. Эта группа политиков и экономистов резко выступила против создания государственных корпораций, национальных проектов и программы инновационного преобразования экономики, против поддержки предприятий в условиях кризиса. Укрепление государства и развитие демократии рассматриваются ими, по сути дела, как взаимоисключающие задачи.

Ответа требует и вопрос, какой смысл политэкономия консерватизма вкладывает в понятие евразийского пути развития России и других государств СНГ. Это особенно важно, поскольку ряд авторов пытаются обосновать теорию евразийской экономики как альтернативы экономике европейской³⁶. На наш взгляд, евразийская модель экономики может быть только европейской моделью, существенным образом адаптированной к условиям России и Содружества в целом. Такая модель не может базироваться лишь на азиатских ценностях, не может быть продуктом эклектического соединения европейских и азиатских форм. Это прежде всего модель, основанная на европейских ценностях, в том числе и на европейском политэкономическом подходе, но учитывающем евразийские реалии (территориально-отраслевые особенности, советское экономическое наследие, отличие православной и мусульманской этики от ценностей господствующей на Западе протестантской религии и т. д.).

³⁵ Бузгалин А., Колганов А. Мы пойдем другим путем! От «капитализма Юрского периода» к России будущего. М., 2009; Дугин А. Конец экономики. СПб., 2010.

³⁶ См., напр.: Дугин А. Конец экономики. С. 123–215.

За исключением Норвегии, все европейские страны — это потребители энергосырьевых ресурсов. Очевидно, что уже только поэтому экономика России как ведущей мировой энергетической державы отличается от экономики Франции или Германии. Огромная территория Российской Федерации, ее природные богатства предполагают иное отношение к развитию транспортно-коммуникационной сферы, миграции, оборонной составляющей. В этом плане евразийская экономическая модель, оставаясь в основе своей европейской, не может не учитывать американско-канадский или китайский опыт. Нельзя не считаться и с неприятием со стороны православия и ислама духа стяжательства, отождествляемого с рынком.

Политическая экономия консерватизма основывается на необходимости укреплять государство, не жертвуя демократическими принципами, интегрироваться в мировую экономику, не перенимая механически социально-экономические институты, сложившиеся в иных исторических условиях. Как справедливо отмечает Р. С. Гринберг, при этом необязательно впадать в антиамериканизм и оголтелое антизападничество в советском духе, чтобы вновь попробовать реализовать «самобытный» вариант развития со всеми его печальными последствиями³⁷. Нужно постараться спасти и развить все лучшее, что было создано в советское время: интеллектуальный потенциал, качественное высшее образование, высокий статус рационального мышления, достаточно мощную обрабатывающую промышленность в сочетании со свойственным западноевропейскому подходу жестким разграничением сфер функционирования и ответственности частного капитала и государства.

Подсистемы рыночной экономики (государственное регулирование, финансово-кредитная система, структура управления корпорациями, стиль и правовое обеспечение менеджмента,

³⁷ Гринберг Р. С. Россия должна быть органической частью цивилизованного мира // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2007. № 2. С. 9.

формы занятости и социальной защиты) взаимосвязаны, согласованы и дополняют друг друга. Поэтому беспочвенны попытки сконструировать устойчивую экономическую систему на основе элементов, произвольно подобранных из разных национальных систем. Россия и другие государства СНГ, адаптируя передовой мировой опыт, в том числе опыт преодоления кризиса, должны учитывать данное обстоятельство. Так, полная либерализация цен (включая сектор естественных монополий и товары особой социальной значимости) неэффективна при отсутствии развитого конкурентного рынка и адресной социальной защиты нетрудоспособных граждан, имеющих место, например, в скандинавских странах.

Политэкономия либерального консерватизма предполагает для выхода из кризиса развитие на демократической и рыночной основах всех форм евразийской интеграции (свободной торговли, таможенного союза, общего рынка труда и капиталов, платежного союза), а также сохранение сложившихся еще в советское время рациональных элементов разделения труда и кооперации субъектов хозяйствования в нынешних странах Содружества. Этого нельзя достичь без межгосударственного макроэкономического и финансового регулирования с учетом решений, принятых лидерами 20 ведущих государств мира, создания наднациональных межгосударственных институтов, которые должны обеспечить благоприятные условия для сотрудничества бизнеса и регионов Евразии.

Разгосударствление экономики означает отказ власти от оперативного управления производством путем планирования ассортимента продукции, ее сбыта, поставок и цен, но вовсе не от управления государственным имуществом, макроэкономического и финансового регулирования, определения приоритетов в научно-технической, инвестиционной, внешнеэкономической политике. «Уход государства из экономики», «ликвидация государственной монополии», будь то монополия на продажу табака и водки или на экспорт стратегических ресурсов, приводит не к

экономической свободе, а к хаосу, воцарению криминальных монополий и так называемым разборкам между ними. Упование на «невидимую руку рынка» в научном комплексе государств СНГ во многом определило то, что на плаву остались лишь коммерсанты, сдающие помещения внаем и распродают за бесценок иностранным компаниям плоды многолетней работы своих коллективов.

*
* * *

Таким образом, политэкономия либерального консерватизма не предполагает метание от одной ценности к другой: от полного патернализма к абсолютному либерализму, от командно-административной экономики к стихийно-рыночной анархии, она нацелена на поиск оптимального сочетания государственного и частно-рыночного в антикризисной программе. При этом мерой такого сочетания выступает уровень качества жизни — результат социально-экономической деятельности, но не краткосрочный, а долгосрочный (мировой финансово-экономический кризис как раз и обусловлен считавшейся в течение ряда лет эффективной, но эгоистической и высокорискованной политикой крупнейших финансовых компаний США и других ведущих стран мира).

Сам результат экономической политики зависит от качества государственного управления и состояния рынка в стране. Бессмысленны абстрактные рассуждения о том, сколько должно быть государственного, а сколько рыночного, если при этом не анализируется, в каком состоянии находится государственное управление и что собой представляет рынок. В условиях коррумпированного государства, в котором господствует произвол чиновников, и неконкурентного, во многом монополизированного рынка любое соотношение этих величин даст отрицательный результат. И наоборот, эффективное государство, где управление осуществляется на основе демократически принятых законов, будет оптимально сосуществовать с эффективным, конкурентным рынком.

Улучшение качества патерналистских и либеральных институтов в обществе объективно ведет к гармоничной форме разрешения противоречий между ними. При этом сама по себе такая гармония не возникает, она является результатом усилий государства, местного самоуправления, гражданского общества. Вытеснение государства из управления экономикой, повышение роли рынка, гражданского общества, личности возможны только в эффективном правовом государстве, т. е. на основе одновременного укрепления государственных начал и демократизации общества.

Политическая экономия современного либерального консерватизма обосновывает эволюционный путь выхода из кризиса на базе качественных преобразований в обществе, оптимального сочетания патерналистских и либеральных форм в управлении с целью улучшения всех сторон жизни граждан. Такая трактовка политэкономии позволяет рассматривать эту науку в качестве методологической основы для выработки антикризисной стратегии и социально-консервативной политики модернизации в России и других государствах СНГ.